

Спасает ли память?

По поводу спектакля

«Зверь на луне», Théâtre MC93 Bobigny

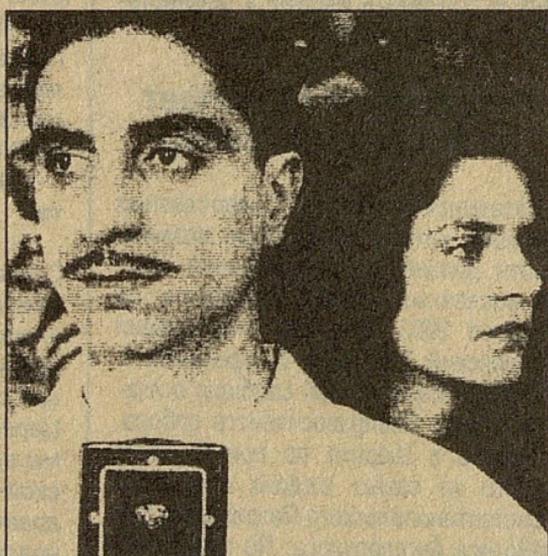
Удивительная, однако, вполне объяснимая закономерность: лучшие художественные произведения об армянском геноциде были написаны писателями не армянского происхождения или же иноязычными армянами. К именам Франца Верфеля, Эдгара Хильзенрата, Осипа Мандельштама, Богдана Гембарского, франкоязычных армян Ваге Кача и Акопа Хачикяна, прибавилось еще одно имя — американца польского происхождения — Ричарда Калиносского.

Р.Калиносский — автор пьесы «Зверь на луне». В течение последних двух лет она была поставлена в Америке, Лондоне, Лозанне, Москве, а сейчас идет с большими аншлагами в Париже. В 95-м году спектакль по этой пьесе вошел в десятку лучших американских реализаций года. В 96-м пьеса получила премию критики на театральном фестивале в Луисвиле в Америке.

Поколение спасшихся армян, прошедших все ужасы геноцида и нашедших пристанище в разных концах мира, считало, что «вырывающийся из мрака в первую очередь воспевает сладостное тепло света». Эти слова принадлежат известному писателю армянского зарубежья Вазгену Шушаняну, свидетелю всех этих кошмаров. Удивительно, но факт: ни в одном его произведении нет свидетельств и описаний насилия. Более того, мрачная турецкая действительность представляется в идиллических тонах. Это своеобразная «литература ностальгии».

Спектакль «Зверь на луне» вводит нас в атмосферу армянской диаспоры начала 20-х годов. Зритель оказывается перед фотографией — властвующим фетишем этой среды, которая и есть главная драматургическая пружина этого спектакля. Прошлое героя воскресает через фотографию. По фотографии он выбирает свою будущую жену. Сам он по профессии фотограф и каждый важный момент своей жизни «увекочивает» фотографией. В глубине сцены на мольберте — фотография семьи Товмасыан. Однако лица их вырезаны. Пустота эта должна заполниться новыми лицами, лицами новорожденных детей — таково заветное желание Арама.

Арам Товмасыан — главный герой спектакля (артист Симон Абгарян) и свою жену, пятнадцатилетнюю Седу (артистка Коринна Жабер), нашел по фотографии, но, когда Седда приехала к нему в Милуоки, в США, оказалось, что произошло недоразумение. Девушка на фотографии — не Седда, Арам «выписал» себе жену-сиротку из константинопольского приюта по ошибке, по фотографии другой, умершей девушки. Это, однако, нисколько не меняет намерений Арама срочно создать семью, народить детей.

Симон Абгарян и Коринна Жабер.

У девушки, можно даже сказать, девочки — тряпичная кукла, с которой она не расстанется до самого конца спектакля: символ несостоявшегося, исковерканного детства. Этой, кажущейся на первый взгляд второстепенной, деталью писатель с удивительной точностью воссоздает образ поколения, прошедшего через пустыни, а в дальнейшем через сиротские дома, образ людей, лишенных детства.

Оба героя в течение всего спектакля лихорадочно и напрасно ищут точки соприкосновения, ибо единственное, что их объединяет, — это катастрофа и память о ней. Парадоксально, но она же и разъединяет их.

Арам знает только одно средство преодоления катастрофы: создать семью и иметь детей, ровно столько, сколько их было в семье там, на родине, до трагедии, и таким образом вернуть потерянное, восполнить пробел. Однако героя ждет страшное разочарование: жена его бесплодна, и у него нет к ней чувства любви, любви, которая, как живительная сила, не только лечит искалеченные катастрофой души, но и предотвращает новые катастрофы. Идею этой любви несет в себе лишенная счастья материнства Седда. Терпеливо, шаг за шагом, она возрождает своего мужа Арама, возвращая его к нормальной, здоровой жизни, когда человек занят не только собой, но и видит, что происходит с другими.

Для героя, один из способов продолжения традиций — ежевечернее чтение Св. Писания. Так делал его отец на родине, так он будет делать здесь в Америке. Оба супруга знают Библию почти наизусть, однако если муж придерживается буквы, то жена постигла дух Св. Писания. Вот почему она приводит к себе домой сироту Винсента, двенадцатилетнего итальянца, который, несмотря на сопротивление Арама, со временем становится членом их семьи.

На протяжении всего спектакля герои переосмысливают свое отношение к прошлому, однако каждый по-своему продолжают оставаться его заложниками. Итак, что есть память? Животворная сила, неизбежная дань уважения или опасная западня, болезненная одержимость? Может ли больная память ужиться со стремлением к здоровой, полноценной жизни в настоящем и будущем?

Герои спектакля приходят к общечеловеческому братству не за счет стирания памяти и забвения боли, а за счет того, что национальную трагедию трансформируют в общечеловеческую. Эту идею автор проводит через спектакль весьма ненавязчиво. Историю армянской семьи Товмасыан мы слышим из уст иностранца: в перерывах между сценами, нам рассказывает ее благородный старик-бородач (актер Ги Турай) — не кто иной, как повзрослевший сирота-итальянец Винсент. Тем самым автор как бы подчеркивает интернационализацию национальной трагедии.

Режиссер спектакля Ирина Брук рассказала нам, что она нашла эту пьесу в Луисвиле, в Америке, куда специально поехала на фестиваль современной драматургии, в поисках новинок. «Я страшно влюбилась в эту пьесу. Величайшее достоинство ее в том, что она дает нам чувство общего братства. Другим важным аспектом этой пьесы является то, что она, не будучи политической и полемической, открывает нам глаза на одну из величайших игнорированных несправдливостей нашего века — геноцид армян».

Ирина Брук из театральной семьи. Родилась в Париже, училась в Америке, живет и работает в Лондоне. Этот спектакль вначале она поставила в Лондоне на английском с теми же актерами: Симоном Абгаряном и Коринной Жабер. Симон Абгарян родился во Франции в семье ливанских армян, многие годы провел в Ливане, Америке, затем окончательно обосновался во Франции. 8 лет Симон был актером в знаменитой труппе Арианы Мнушкин. Сейчас в театре «Картуши де Венсен» в его постановке с успехом идет спектакль по пьесе Шекспира «Напрасные усилия любви». Коринна Жабер своим глубокоэмоциональным исполнением роли покорила зрителя. Чувствуется скрупулезная работа режиссера с актерами. Кстати, Ирина Брук — в прошлом актриса, и это ее режиссерский дебют. Как отмечает «Фигаро», «она уехала от нас актрисой, а вернулась режиссером».

АЛЕКСАНДР ТОПЧЯН

Париж

Русская мысль - Париж - 1998 - 12-18 февр. - с. 17.